

Встреча с Евгением Кисиным в Кольмаре

Одним из главных событий прошедшего седьмого Кольмарского фестиваля (см. «РМ» №4092) стало выступление Евгения Кисина — талантливого пианиста, давно уже завоевавшего всемирную известность. Начав концерттировать в Москве в возрасте десяти лет, теперь, в свои 24 года, Кисин триумфально гастролирует по всему миру.

— Женя, вы уже третий раз выступаете на Кольмарском фестивале. С чем это связано?

— Мы давно дружим с Владимиром Спиваковым, и его фестиваль — один из лучших в Европе. Кроме того, мне нравится Кольмар. Сюда приезжает публика из Германии, Швейцарии, Франции, всей Европы.

— Позавчера состоялся ваш сольный концерт. Он имел огромный успех. На чем основывалась его программа?

— Прежде всего сыграл роль тот факт, что нынешний Кольмарский фестиваль посвящен Артуру Рубинштейну. Поэтому в мою программу вошли произведения Шопена, лучшим исполнителем которых был Рубинштейн. Спиваков очень просил, чтобы я играл еще и Листа.

— Я помню ваш первый сольный концерт в парижском зале «Плейель», помню вашу филигранную технику, о которой так лестно писали французские критики. Это было в январе 1991 года. Сейчас в Кольмаре я почувствовал, как возросло ваше мастерство, как оно окрепло, обрело зрелую силу и эмоциональную утонченность.

— Да, наверное. Ведь тогда мне было 19 лет. Если и потом будет так же, если пианист продолжает вот так развиваться в возрасте 30—35 и 40—45 лет, то это еще важнее.

— Кольмарский фестиваль в этом году посвящен памяти Артура Рубинштейна. Существует ли у вас какая-либо связь с этим великим пианистом?

— Да. В декабре 1992 года вдова Рубинштейна приехала в Нью-Йорк. Там живут две их дочери. Один наш общий друг организовал нам встречу. Они знали обо мне. Старшая дочь Эва пришла на мой дебют в Карнеги-холл еще в 1990 году. Она была и на фестивале в Кольмаре. Конечно, удивительно, как Эва внешне похожа на своего отца. Совершенно одно и то же лицо. Итак, мы пришли в гостиницу к мадам Рубинштейн. Она была очень мила, сказала, что у нее есть все мои записи. Через месяц-полтора после этой встречи я играл с Бостонским симфоническим оркестром под управлением С.Озавы Третий концерт Рахманинова в Карнеги-холле. Перед выступлением получаю какой-то сверток. Раскрываю и вижу послание от Эвы Рубинштейн. Она пишет: «Мы с мамой каждый год на день рождения отца вышивали платки с его инициалами. На концертах он их носил во внутреннем кармане фрака, как талисман. И вот теперь я посылаю тебе платок, который я ему вышила в 1973 году, когда ты был еще совсем маленьким». Эва написала мне много всяких комплиментов, а закончила она так: «Я хочу, чтобы у тебя было что-то, что принадлежало моему отцу». С тех пор этот платок я ношу во внутреннем кармане на всех моих концертах.

— Каким вы представляете себе образ Артура Рубинштейна?

— Существует много мифов. Но я, когда знаю, что это только миф, стараюсь все-таки не увлекаться. А Рубинштейн, конечно, один из самых близких мне по духу пианистов. Я с удовольствием читал его воспоминания. Я не знаю другого пианиста, который бы так хорошо играл, скажем, мазурки или ноктюрны Шопена.

— Кто еще близок вам по духу?

— Генрих Нейгауз. У него было очень много общего с А.Рубинштейном. Это отмечали все, кто знал обоих. Нейгауз и Рубинштейн были друзьями. Мне близки, хотя и по-другому, Д.Липатти, А.Фишер.

Евгений Кисин. Фото В.Игнатова.

А.Шнабель. Конечно, С.Рахманинов — это титан, ему поклоняются все.

— Могли бы вы назвать произведения, которые хотели бы представить публике?

— Их много. Есть сочинения, которые я начинал разучивать, но потом у меня не было времени, чтобы закончить. Например, соната №3 и два концерта Брамса. Правда, Первый концерт я буду играть уже в январе будущего года в Чикаго с местным симфоническим оркестром под управлением Д.Баренбойма. Еще хотелось бы исполнить баллады и прелюдии Шопена. Пока не знаю, буду ли я играть все этюды, но некоторые — непременно. Что касается сочинений Бетховена, то только в этом сезоне я первый раз вынес на публику 14-ю сонату. Хотел бы, конечно, и дальше осваивать сонатное наследие Бетховена. К следующему сезону я уже начал готовить 28-ю сонату. Ндавно я выучил Второй концерт Бетховена и первый раз буду его играть на корабле в музыкальном круизе по Средиземному морю, а в следующем сезоне — в Кельне с оркестром местного радио под управлением Р.Баршай и в Мюнхене с оркестром Мюнхенской филармонии под управлением Р.Мути.

— Я помню, как в конце прошлого года вы играли в Париже с амстердамским «Концертгебау» под управлением Джорджа Шолти Пятый концерт Бетховена. Это произведение очень органично вошло в ваш репертуар. Вероятно, сейчас у вас появился особый интерес к наследию Бетховена?

— Это даже не интерес. Это необходимость. По-моему, любой пианист все-таки не может совсем избежать Бетховена. Другое дело, что в репертуаре одних он занимает большее место, а в репертуаре других — меньшее. Например, Рубинштейн играл все концерты и только несколько сонат, а написал всего две — так называемую «Лунную» и «Аппассионату». Я пришел к Бетховену, конечно, не сразу, потому что этот композитор требует гораздо большей работы интеллекта, чем Шопен. Шопен мне был близок с самого начала, и играть его в возрасте 12—16 лет просто легче. Конечно, в музыкальной школе я проходил сонаты Бетховена, но на свои концерты их не выносил. Тогда еще не был готов. Начать больше играть Бетховена я мог бы еще два-три года тому назад. Но у меня просто не было времени. Когда я приехал на Запад, нужно было утвердиться, естественно, в том, что у меня уже было, то есть в основном в романтическом репертуаре. Теперь я могу себе позволить включать в программу произведения Гайдна, Бетховена и что угодно. Но тогда приходилось играть Шопена, Листа, Шуберта, Шумана.

— Пятый концерт Бетховена вы играете особенно часто и с разными дирижерами. Могли бы вы отметить некоторые их особенности?

— Конечно, но, с другой стороны, я ведь сам менялся с 1992 года, когда его исполнил впервые с Чикагским симфо-

ническим оркестром под управлением Д.Баренбойма. Тогда я играл этот концерт по-другому, чем сейчас. Д.Баренбойм сам пианист. Это имеет большое значение.

С К.Аббадо я исполнял Пятый концерт больше, чем с кем-либо. Первый раз это было в 1993 году. В то время К.Аббадо порой вмещивался в интерпретацию. Но потом перестал. В мае 1994 года в Вене мы уже играли концерт несколько по-иному. Тогда было трудно. К.Аббадо не очень любит репетировать, для него важен сам концерт. Поэтому у нас с оркестром Берлинской филармонии была только одна репетиция — в день выступления, и довольно-таки короткая. Однако это чрезвычайно талантливый человек.

В сентябре прошлого года в миланском театре Ла Скала я играл этот концерт с В.Ашкенази. То, что он пианист, очень помогало. В.Ашкенази предложил пару интересных вещей. В конце ноября в Лондоне мы исполнили Пятый концерт с Дж.Левайном. Он мне очень близок как музыкант. Мы с Дж.Левайном очень чувствовали и понимали друг друга. Вообще с ним было интересно, как ни с кем другим.

Затем была встреча с Дж.Шолти. Он произвел на меня огромное впечатление своей неиссякаемой энергией, и это в его-то возрасте. Ведь ему в октябре исполняется 83 года. Вообще я был очень тронут его вниманием. Ко мне он обращался исключительно «мой дорогой мальчик». В музыке мы кое-что с ним воспринимали немного по-разному. Но Дж.Шолти охотно шел на компромисс. В результате мы оба шли друг другу навстречу. Потрясает, конечно, то, как он перенес это турне. За пять дней дали четыре концерта — в Амстердаме, Мадриде, Брюсселе и Париже. Я играл только в одном отделении, а на плечах Шолти был весь концерт. Мне было нелегко. Что касается мастера, то никакой усталости в нем не чувствовалось.

Пятый концерт Бетховена мы будем играть с Государственным симфоническим оркестром России под управлением Е.П.Светланова. Мы с ним тоже кое-что чувствуем по-разному. Но Светланов опять же пошел на компромисс. Я исполню этот концерт уже два года с разными дирижерами. Но мне непривычно было вдруг услышать, что дирижер с музыкантами разговаривает по-русски.

— А где вам удобнее жить? Где бы вы хотели иметь свой дом на всю жизнь?

— Удобно мне было бы везде, наверное, потому, что у меня такая интернациональная профессия. Трудно сказать, где бы мне хотелось жить всю жизнь. По идее — в Москве, если бы там было безопасно. То, что российские газеты написали про мои проблемы с армией, это, к сожалению, правда. Когда-то в Москве я даже себе представить не мог, что способен жить где-то в другом месте. Теперь думаю, что могу жить в любой стране. Но, скорее, в Европе. Из европейских стран мне особенно импонирует Англия, даже не страна, а ее столица. Лондон, как и Нью-Йорк — музыкальный центр мира. Знание английского языка тоже имеет значение. Он у меня в активной форме и очень помогает во время турне.

— При чрезвычайно широкой, буквально межконтинентальной географии ваших турне в последние годы вы не дали ни одного концерта в Москве. Почему?

— Прежде всего именно из-за службы в армии. Я не выдумываю. Газеты писали правду. Действительно, если я приеду в Москву, мне придется идти служить в армию. Я не знаю — сразу или не сразу, но повестки приходят. Однако я не теряю надежды, что меня когда-нибудь освободят от воинской повинности. Это самая главная и единственная причина. Если бы ее не было, я непременно бы играл в России. Те знакомые, которые бываю в России, мне говорили, что концерты там слушают потрясающе. Поэтому для меня выступление в Москве будет даже каким-то испытанием.

Интервью взял
ВИКТОР ИГНАТОВ

Кольмар—Париж, июль 1995